

РОДИНА и природа слова одного корня, глущко уходящего в почву чело-веческой души. За ними для каждого из нас — такой огромный, широкий смысл, что не охватить его ни взглядом, ни разумом. Мы лишь вполне определенно, абсолютно четко осознаем ни с чем не сравнимую духовную ценность этих понятий.

Казалось бы, посмотри вокруг, оглянись — вот тебе и родина и природа. Так, да не так. На несколько всего лишь

но и литераторы, критики, журналисты. Автора пригласили на работу в газету.

В пятидесятые годы выходят сборники рассказов В. Астафьева, книжки для детей, роман «Тают снега» и, наконец, повесть «Перевал», ставшая настоящей, крупной удачей молодого писателя.

В 1959 году он поступил на Высшие литературные курсы и, может быть, впервые особенно остро почувствовал значение образования.

«...Раздвинулись рамки окру-

долгое время живет в Перми, затем переезжает в Вологду.

Он много и успешно работает, его творчество получает широкое признание у читателей всех поколений. Повести «Звездопад», «Кража» очердные «Страницы детства» («Последний поклон»), сборники рассказов, избранной прозы издаются массовыми тиражами в центральных, республиканских и областных издательствах, переводятся на иностранные языки. В 1975 го-

Больше всего мне досталось за Гого Герцева — дескать, лобовой образ. Наверное, так оно и есть. Но Герцев — тип современного человека, свободного от всяких забот перед семьей и обществом, — тема специальной книги, которую я предлагаю написать ровесникам Герцева. Они, наверное, лучше поймут и объяснят моего героя. Конечно, есть в «Царь-рыбе» недостатки и, может быть, небольшие. Но всеобщий интерес к ней у нас и за ру-

видевший Польши, уже составил на чужбине, но сохранил в душе до самой смерти неугасимый огонь любви к далекой и незнакомой родине.

Вряд ли Виктор Астафьев специально задумывал сделать из Васи-поляка, безвестного деревенского сторожа, некий символ, но так уж получилось, что в этом замечательном художественном образе в высокой, может быть, даже романтической концентрации представлены две величайшие земные ценности: любовь к родине и искусство. Искусство как жизнь, как сила, способная лечить человека, могущая «перевернуть» душу его, очистив от мелких помыслов.

Виктор Петрович умеет говорить красно в самом лучшем смысле этого слова. Речь — образная, живая, с юмором, не чуждающимся порой и острой шутки. Как на экране, в сознании собеседника возникают лица, характеры, непродуманные истории. Критики давно подметили умение писателя Астафьева создавать очень скупыми средствами на малой площади прозы портреты второстепенных действующих лиц. Человек лишь мелькнет на обочине сюжета, а его запомнишь. Так и в беседе: две-три детали, две-три подмеченных острым глазом черточки облика, и ты видишь наяву того или иного человека.

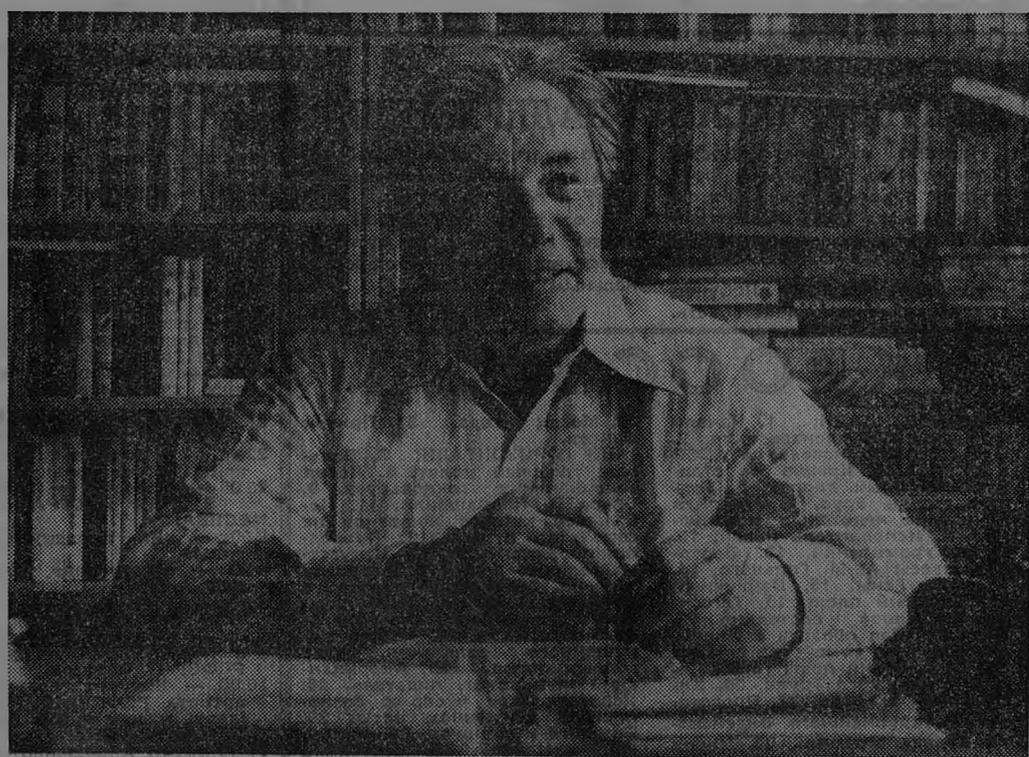
ПРОСЛАВИВШИЕ КРАЙ

ЭТО В СЕРДЦЕ БЫЛО МОЕМ

СУДЬБА И КНИГИ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

дней и хватило герою Виктора Астафьева из затеси «Родные березы» радостей роскошной приморской зелени. Бродил он, скучно люболытства, среди темных и мудрых кипарисов, непорочных магнолий, великолепных пальм... и не знал, куда себя девать, как уберечься от тоски. Успокоила душу северянина, сибиряка неожиданная встреча с тремя маленькими деревцами, сиротливо затерявшимися в густых прелестях южного парка.

И вспомнил потом человек солнечный летний день на берегу родной реки, веселый праздник — весь в зеленой пене березовых листьев, бабушку, домовито и деловито вяжущую банные веники. И весь тот чудный и неповторимый мир детства, с которого для всех нас и начинается Родина.

...Суровы были университеты Виктора Петровича Астафьева. Будущий писатель родился 1 мая 1924 года в селе Овсянка, что в нескольких километрах от устья красавицы Маны, впадающей в Енисей. Восемью лет мальчишка лишился матери и при своем неразумном, лихом отце, в сущности, оказался полным сиротой. Бабушка Катерина — добрый гений раннего детства Вити — не смогла уберечь ребенка от горькой судьбины: не по своей и ее вине оказался он в заповедной Игарке, беспризорничал, попал в детдом... Затем учеба в школе ФЗО (фабрично-заводское обучение), работа составителем поездов на железнодорожной станции Базаиха под Красноярском и, наконец, три года войны. Тяжелые ранения, контузии — неизбитая до сих пор душевная боль.

жающей среды. Москва с театрами, концертными залами, выставками; несколько перво-классных преподавателей и друзей, прекрасно знающих литературу, много испытывавших и поведавших в жизни, сделали за два года ту работу, которую в одиночку я одолевал бы лет двадцать, а главное — тогда на курсах и пришло сознание какой-то, пусть не совсем устойчивой уверенности в своих силах, в праве на работу, за которую дерзнул взяться...»

ду лучшие работы писателя — повесть «Последний поклон», «Перевал», «Кража», «Пастух и пастушка» отмечаются Государственной премией РСФСР им. М. Горького.

В 1978 году Виктору Астафьеву присуждается Государственная премия СССР в области литературы и искусства за повествование в рассказах «Царь-рыба».

На одной из встреч с читателями в красноярском Доме журналистов Астафьев рассказывал:

бежом убедил меня, что я работал не зря... И в самом деле, главное действующее лицо «Царь-рыбы» — не природа: тайга, река, небо, звери и рыбы, а человек в отношениях с нею и человек среди людей.

Художественно оправдан бесславный конец индивидуалиста Герцева, но ведь и Аким, добрая и бескорыстная душа, весь открытый людям, одинок и бесприютен. Нет ему счастья на родной земле, а почему — сказать трудно.

Давно уже окончены Виктором Астафьевым литературные курсы, а учеба продолжается и по сей день. Он читает и перечитывает русскую классику. Высоко ценит Достоевского, восхищается меткой, образной фразой Гоголя, высоким языковым мастерством Писарева и Бунина... Но особое место в его сознании, в его душе занимает Лев Толстой. Никто, считает Астафьев, так и не постиг и вряд ли когда постигнет человеческую натуру, душу — именно русскую душу, — как это сделал Толстой в рассказе «Хозяин и работник» или в повестях «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергий». Оторвать берет, когда всего лишь просматриваешь оглавление полного собрания сочинений Льва Николаевича.

«...В 1945 году, — вспоминает Виктор Петрович, — явился я с молодой женой (она тоже была солдатом) на ее родину — в уральский городок на реке Чусовой. Тридцать семь градусов мороза. В пилоточке, в сапожках. На вокзале нас никто не встречает. Поиграли мы в снежки, повеселились... Потом уж веселиться некогда было. С днями туга, с жильем туга, здоровьишко — никуда. Работал грузчиком, слесарем, литейщиком, вахтером... Учился в вечерней школе. Трудно было, голодно, пусто в комнате. Помню, родился у нас только только сын Андрей, вижу в окне: ребята идут, одноклассники по школе. Я навстречу — не пустить. Куда там — обтекли меня, расположились... «обмыли» Андрея. А у меня, у нас угостить нечем, усадить некуда и не на что... Тяжелое было время...»

«Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен. Что бы он ни делал, какую бы ни имел цель и мысль в своем творчестве, он выражает, волею или неволею, какие-нибудь стихии народного характера. Это замечание А. И. Герцена можно с полным основанием отнести к Виктору Астафьеву.

Среди бесспорных удач писателя — бабушка Катерина Петровна, героиня книги «Последний поклон». Кипучая энергия, поразительная жизнестойкость, способность отзываться на чужую боль — все это свойства большого и сильного человека.

Оглянитесь вокруг, припомните, и вы увидите, обнаружите в ваших матерях, бабушках, знакомых женщинах черты Катерины Петровны, словно Виктор Астафьев долго приглядывался к сотням и тысячам русских женщин-сибирячек, чтобы слепить один образ.

Бабушка из «Последнего поклона», пусть даже и есть у нее конкретный прототип с такой же вот биографией и с подобными чертами характера, все же никак не может быть слепком с натуры — слишком много в ней общенационального, народного, близкого всем нам.

— Мои «Страницы детства» родились с рассказом «Запах сена», но только уже после «Коня с розовой гривой» осознал, что пишу нечто большее, чем рассказы о детстве. Так постепенно, то приближаясь к теме, то удаляясь от нее, и написал «Последний поклон». И хотя перелистывал я страницы своего детства, конечно же, использовал и законное наше писательское право на вымысел. Например, семья дяди Левонтия — собирательный образ. Ее жизнь, заботы, судьба во многом типичны для нашей Овсянки... Почти каждый год я ездил в родные места. Плавал по Енисею, бродил по его берегам, сидел у костра, встречался с людьми... Насмотрелся, наслушался, и тяжело на душе стало. Ладно, думаю, отделаюсь очерками, переболею как-нибудь. Увы, очерками не удалось отделаться, не облегчили они души. Писал «Царь-рыбу» сравнительно недолго, но мучительно. Есть в ней и выкрики, и куски недоработанные, но растягивать работу на много лет я не мог и не хотел — душа горела, требовала облегчения... Помните меня правильно (немногие из критиков поняли): я писал не о природе, а о человеке, об одиночестве человеческом...

Заключительная глава «Царь-рыбы» так и называется: «И нет мне ответа». И претензий к автору быть не может. На такие вопросы отвечает жизнь, а дело художника найти самые болевые точки нашего времени и заявить о том по возможности ясно и бескомпромиссно.

Среди астафьевских героев есть один особо примечательный своей резкой непохожестью на других. Это — Вася-поляк из рассказа «Далекая и близкая сказка» («Последний поклон»), открывший перед внуком Катерины Петровны удивительный мир музыки.

Однажды вечером, в пору ранней осени, услышал маленький Витя скрипку. Прекрасные и тревожные звуки сначала напугали мальчишку своей властной, колдовской силой, но, успокоившись, он услышал в них рассказ о собственных бедах и горестях: как болел и страдал, как едва оставался жив, как ушла из его жизни мама...

«Мне кажется, — говорит Виктор Петрович, — если мы все, ныне живущие и работающие, — писатели, то Лев Николаевич Толстой нечто иное, это явление совсем другого порядка, которому и название, имя соответствующее требуется...»

Есть тема, которая много лет и страшит, и влечет Виктора Астафьева. «Не семь, а семьсот раз отмерь, прежде чем братья за нее», — говорит он. Им написаны прекрасные произведения о войне — вспомни такие рассказы и повести, как «Солдат и мать», «Ясным ли днем», «Тревожный сон», «Индия», «Звездопад», «Пастух и пастушка»... И все же Астафьев не удовлетворен. Говоря о своих замыслах в этом направлении, он скажет после окончания «Последнего поклона»: «Что-нибудь чисто солдатское...»

Виктор Петрович Астафьев работает много, с полной самоотдачей, хотя здоровьем, прямо скажем, похвастаться не может. Пишет художественную прозу, статьи, воспоминания... И по-прежнему военная тема остается для него острой, необходимой и желанной.

Главное событие последних лет — выпуск издательством «Молодая гвардия» четырехтомного собрания сочинений. Итог тридцатилетней работы в литературе. Все, что прошло испытание временем и читателями.

На одной из последних книг — портрет. Спокойный, уверенный в себе человек читает рукопись. У него простое русское лицо и тяжелые рабочие руки — руки, которые могут держать лопату и топор, винтовку и перо. Этими руками и написал Виктор Астафьев свои прекрасные книги.

В 1951 году в печати впервые появилось имя Виктора Астафьева — газета «Чусовской рабочий» напечатала его рассказ «Гражданский человек», впоследствии известный под названием «Сибиряк». Дебют оказался успешным — рассказ заметили и приняли не только читатели,

После окончания Высших литературных курсов Астафьев

Но не только музыкой поразили астафьевского мальчишку поляк Вася — сирота, сын погибших в Сибири ссыльных участников восстания против царя. Хромой, почти слепой, болезненный и убогий, он, родившийся на подводе под тулупом конвоира и никогда не